

«...В Олиной семье меня покорила чистота людей. Все было просто и прямо. Мне не приходилось напрягаться, что-то из себя изображать, а надо было просто оставаться самим собой. И в этом я ощутил счастье...»

не ощущаем. И это прекрасно.

В. И.: У меня такое ощущение, что я с Олей прожил всю свою жизнь. Не хочу помнить, что было что-то еще. Не было ничего другого — и все!

О. М.: Поначалу я немножко побаивалась Валентина Иосифовича, ведь по облику Гафт представляется таким злым, язвительным, жестким человеком — этаким бесстрастным суперменом. И вот однажды мы с ним сидели на кухне, общались, ели какие-то сардельки, и вдруг Валя начал мне читать лирику Маяковского. Как он читал! И я увидела его — совершенно другого. Я почувствовала, поняла, что общепринятый образ

Гафта — это его маска, защита, что настоящий он — ранимый, незащищенный, совершенный ребенок, человек без кожи. Поэтому его очень легко ранить. Ну абсолютно без кожи, представляете? Дотронешься — и сразу рана. Вот он и выпускает иголки, как роза у Сент-Экзюпери. Вот это я в нем угадала... И, осознав это, Валентин Иосифович испугался.

— *Как вы это поняли?*

— А он прекратил всякие отношения. Причем резко.

— *Вы уже к этому времени полюбили его?*

— Не знаю. Но то, что я к нему про-

никлась, — это точно. Доверилась ему душевно, а он вдруг сразу все пресек. Сначала я просто была ошарашена, потом конечно же обиделась. Ну понятно — ничего нас особенно не связывало, можно было и разойтись. Но мне казалось, что расставаться тоже надо как-то по-человечески. А не так: «Я тебе позволю», — и все, исчезнуть на четыре (!) месяца. И это при том, что в тот вечер между нами была абсолютная раскрытость, близость — не столько интимная даже, сколько душевная... Но все же я в душе — говорю вам сейчас совершенно интимные вещи — чувствовала, что это не финал наших с Валею отношений. Четы-

ре месяца спустя он мне позвонил и сказал: «Я не могу без тебя жить». И я его поняла — это время ему нужно было, чтобы разобраться в себе.

В. И.: Знаете, это была прекрасная пауза. Оля у меня как в сейфе лежала, пока не наступил момент, когда я понял: надо открывать. И я открыл...

— *Удивительно, что Ольга Михайловна вас верно поняла.*

О. М.: Весь опыт его прежней жизни не позволял ему сразу поверить в мою искренность. Возможно, он встречал таких женщин, которые все время чего-то требовали от знаменитого Гафта. А требовать от него ничего нельзя. (Со